

Дубова М. А. «Россия, Расея, Русь, Коломна : провинция» : концептуализация пространства в романе Б. Пильняка «Волга впадает в Каспийское море» / М. А. Дубова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 2. — С. 203—219. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-203-219.

Dubova, M. A. (2023). “Russia, Rossia, Rus, Kolomna: Province”: Conceptualization of Space in B. Pylnyak’s Novel “Volga Flows into Caspian Sea”. *Nauchnyi dialog*, 12 (2): 203-219. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-203-219. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-203-219

**«Россия, Расея, Русь,
Коломна: провинция»:
концептуализация
пространства в романе
Б. Пильняка
«Волга впадает
в Каспийское море»**

Марина Анатольевна Дубова
orcid.org/0000-0001-6906-1002
доктор филологических наук,
профессор кафедры
русского языка и литературы
dubovama@rambler.ru

Государственный
социально-гуманитарный университет
(Коломна, Россия)

**“Russia, Rossia, Rus,
Kolomna: Province”:
Conceptualization of Space
in B. Pylnyak’s Novel
“Volga Flows
into Caspian Sea”**

Maryna A. Dubova
orcid.org/0000-0001-6906-1002
Doctor of Philology, Professor,
Department of Russian
Language and Literature
dubovama@rambler.ru

State University of Humanities
and Social Studies
(Kolomna, Russia)

© Дубова М. А., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуются принципы структурирования и способы объективации пространственного континуума в романе Б. Пильняка «Волга впадает в Каспийское море». Особое внимание акцентируется на лексической репрезентации пространства как базовой категории авторской языковой картины мира. Новизна исследования состоит в выявлении, систематизации и описании языкового материала, позволяющего определить индивидуальные авторские особенности в создании пространственного континуума романа Б. Пильняка. Актуальность статьи обусловлена обращением к проблеме лингвистического выражения миромоделирующих универсалий в художественном тексте. В статье используются методы семантического и лингвостилистического анализа, сравнения и описания языковых единиц. Они позволяют выявить и рассмотреть средства лексической репрезентации пространственной модели, созданной в романе «Волга впадает в Каспийское море», которую характеризует калейдоскопичность, динамичность и совмещение разных пространственных плоскостей. В ходе проведенного исследования автор приходит к выводам, содержащим характеристику основных типов пространства в романе Б. Пильняка с учетом индивидуальных особенностей авторского миромоделирования, а также обоснование выявленных лингвистических параметров идиостиля писателя.

Ключевые слова:

пространство; концептуализация; лексическая репрезентация; Б. Пильняк.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The principles of structuring and methods of objectification of the spatial continuum in B. Pylynyak's novel "The Volga flows into the Caspian Sea" are investigated. Particular attention is focused on the lexical representation of space as a basic category of the author's language picture of the world. The novelty of the research consists in the identification, systematization and description of linguistic material, which allows to determine individual author's features in the creation of the spatial continuum of B. Pylyniak's novel. The relevance of the article is due to addressing the problem of linguistic expression of world-modeling universals in a literary text. The article uses methods of semantic and linguistic stylistic analysis, comparison and description of language units. It helps us to identify and consider the means of lexical representation of the spatial model created in the novel "Volga Falls into Caspian Sea", which is characterized by kaleidoscopicity, dynamism and the combination of different spatial planes. During the research, the author comes to conclusions containing the characteristics of the main types of space in B. Pylyniak's novel, taking into account the individual features of the author's world modeling, as well as the substantiation of the revealed linguistic parameters of the writer's idiosyle.

Key words:

space; conceptualization; lexical representation; B. Pylynyak.

«Россия, Расея, Русь, Коломна: провинция»: концептуализация пространства в романе Б. Пильняка «Волга впадает в Каспийское море»

© Дубова М. А., 2023

1. Введение = Introduction

Языковая картина мира, под которой понимаются «закрепленные в языке способы, процессы и результаты концептуализации действительности, совокупность знаний о мире, способах их получения и интерпретации» [Яковлев, 2017, с. 6], привлекает пристальное внимание современных лингвистов. Как справедливо отметил Н. Н. Болдырев, «реализация антропоцентрической природы языка в его интерпретирующей функции в полной мере представлена в языковой картине мира, в её структуре и специфике передачи языкового опыта взаимодействия человека с миром» [Болдырев, 2019, с. 6—8]. Более того, языковая картина мира «содержит в себе как общечеловеческие, национальные, так и индивидуально-личностные» [Саркисян, 2021, с. 110] черты.

Не вызывает сомнений тот факт, что «к числу наиболее универсальных языковых форм концептуализации и интерпретации знаний о мире ... следует отнести пространство и время» [Болдырев, 2018, с. 27], структурирующие авторскую языковую картину мира. Подчеркнем, что «при одинаковом наборе универсальных констант в каждой культуре они наполняются своим, оригинальным, содержанием, отражающим менталитет и национальную специфику народа, а в творчестве отдельного писателя они получают индивидуально-авторское осмысление, в частности, в совокупности лексических средств репрезентации в художественном тексте» [Дубова, 2019, с. 425]. Таким образом, актуальность статьи состоит в обращении к проблеме структурирования и описания авторской языковой картины мира с позиций лексической объективации в художественном тексте центральных миромоделирующих универсалий. Новизна предпринятого исследования определяется изучением средств лексической репрезентации пространственного континуума в романе Б. Пильняка «Волга впадает в Каспийское море», сочетающих типические и индивидуально-авторские приемы, что вносит вклад в изучение стиля писателя. При этом основной акцент делается на признание того, что репрезентация пространства в каждом отдельном художественном произведении уникальна, «так как в нем ... воплощается объективно-

субъективное представление автора о пространстве. При этом объективность, достоверность художественного образа пространства обусловлена ... тем, что в нем отображаются знания автора об объективной реальности. Субъективность обусловлена тем, что в нем отображаются знания автора об объективной реальности, которые детерминированы намерениями и установками автора, его творческим замыслом, мировоззрением ... и другими ориентирами» [Бабенко, 2009, с. 96].

Наш научный интерес связан со способами объективации пространственного континуума в романе Б. Пильняка «Волга впадает в Каспийское море», что и составляет предмет исследования. Пространственный компонент авторской картины мира, как мы видим, актуализирует уже название романа, содержащее сему направленного движения, лежащего в основе сюжетно-фабульной линии произведения, представляющее «развернутую метафору, утверждающую идею неостановимости исторического движения России» [Профатило, 2006, с. 19]: *Страна, как Москва, была в походе. Москва шла к победе. История страны — шла* [Пильняк, 1990, с. 593]. Отражающее логику природного развития, заданное в заглавии движение выступает мерилom человеческой сущности, а в целом — нового формата социалистической действительности, поворачивающей и сознание, и течение рек вспять: ... *ныне Москва-река текла вспять, символ новой российской государственности, ибо Россия октябррей хотела наново перестроить, наново пересоздать — от человека до географии и геологии* [Там же, с. 497]. Цель статьи состоит в выявлении пространственных типов в романе и способов их лексической объективации.

Роман «Волга впадает в Каспийское море», «основные события которого — строительство “монолита”, способного воды Москвы-реки и Оки направить в пустыни и засушливые районы, — разворачиваются в Коломне» [Ауэр, 2009, с. 24], был создан писателем в 1929 году. В его тексте мы находим очень много отсылок к местным преданиям, городской географии и историческим событиям, напрямую связанным с городом, что, безусловно, индивидуализирует пространственный континуум произведения.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Творчество одного из известнейших писателей начала XX века Б. А. Пильняка, репрессированного в 1938 году, долго дождалось своего возвращения в русскую литературу и культуру. Тогда как после реабилитации писателей ученые активно обращались к изучению произведений «возвращенных» авторов, научно-исследовательский интерес к Пильняку начал проявляться довольно поздно, примерно в 90-ые годы XX века,

когда он стал объектом активного литературоведческого изучения, которое велось по нескольким направлениям: проблемы поэтики и стилистического оформления произведений, мотивная парадигма, Б. Пильняк и литературное сообщество, интертекстуальные связи [Анпилова, 2008; Ауэр, 2009; Грякалова, 2004; Дискаччиати, 2020; Camisa, 2021; Крючков, 2006; Орлицкий, 2011; Профатило, 2006; Святославский, 2020; Шайтанов, 1990 и др.]. В лингвистическом аспекте проза Б. Пильняка изучена гораздо меньше, что, в свою очередь, открывает широкие возможности для восполнения существующих лагун и восстановления полного представления о художественной манере автора. Ученых привлекают отдельные лексические и синтаксические особенности языка писателя, окказиональное словообразование, цветопись [Костякова, 2006; Метликина, 2009; Провоторова, 2010; Соколова, 2014; Хоронов, 2015 и др.], тогда как работы, посвященные целостному описанию авторского идиостиля, лингвокогнитивным проблемам языковой личности и картины мира, до сих пор отсутствуют. В свете сказанного данное исследование расширяет представления о принципах структурирования и способах объективации авторской языковой картины мира и вносит вклад в изучение идиостиля писателя.

Как известно, Коломна заняла важное место в судьбе Б. Пильняка, став одним из центральных топосов и мифологем его творчества. В автобиографических заметках писатель отмечал: *Детство прошло в уездных городах Московской губ. (Можайске, Богородске, Коломне) ... Годы революции я прожил в Коломне* [Пильняк, 1990, с. 25, 26]. В дневнике Б. Пильняк неоднократно записывал свои впечатления от города: *... сей-час утро, воскресенье, и меня разбудил колокольный звон ... Я приехал в Коломну из Лондона вчера ... бродил по городу, тишь глубокая, вековая, безмолвие ...* [Там же, с. 30].

Действительно, подмосковная Коломна прочно вошла в биографию и произведения Бориса Вагау (Пильняка), впервые приехавшего в этот город в 1912 году и оставшегося в нем жить более чем на десятилетие. Коломенский период жизни ознаменован значимыми для писателя событиями: не только женитьбой и рождением детей, но и написанием «первых его произведений, опубликованных под псевдонимом Б. Пильняк и подписанных “Коломна. Никола-на-Посадях”» [Денисов, 2007, с. 7—8]. Лишь в 1924 году Пильняк переедет жить в Москву, но и после этого будет неоднократно возвращаться в Коломну.

Как справедливо подчеркивал И. Шайтанов: «Как бы ни назывались города в ранних романах Пильняка, за ними — Коломна ... место действия ... в романе — Коломна, названная здесь своим именем» [Пильняк, 1990, с. 12, 18].

3. Результаты исследования = Results and Discussion

3.1. Объективация пространства в романе Б. Пильняка «Волга впадает в Каспийское море»

Романное повествование, начинающееся с описания истории возникновения рек и появления речных течений, сразу же проецирует пространственные координаты создаваемой писателем картины мира. В первую очередь, они связаны с номинациями гидронимов: это названия рек (*Волга, Ока, Москва-река, Клязьма* и т. д.), *Каспийского моря*, выполняющих разную семантическую нагрузку в произведении. Затем топонимические номинации, оформляя завязку сюжета, по сути, «привязаны» ко всем персонажам, но особенно активно «сопровождают» по сюжету главного героя романа — профессора Пимена Сергеевича Полетика, едущего из Москвы на строительство монолита в Коломну. Еще раз подчеркнем, что сема движения является важной составляющей объективируемого в романе пространства, которое можно назвать динамичным. Оно структурируется оригинальным сочетанием четырех пространственных проекций, взаимопроникающих и накладываемых друг на друга: исторического, современного, Вечного пространства и ментального (наиболее полно раскрытого применительно к образу Эдгара Ласло).

Из всех городов, упоминаемых в романном повествовании, кроме Коломны, Москва стоит на втором месте по вниманию к её пространственной организации. Пространство Москвы конкретизируется названиями учреждений и мест, которые должен посетить Полетика (*Госплан, ВСНХ, Мосгубземавтодел, Наркомзем, Мозо, Кремль, ЦИК*), улиц, переулков, площадей, обозначающих их местонахождение или передвижение профессора (*Садово-Триумфальная, Первого Мая, бывшая Мясницкая, Воротниковский* и *Пименовский переулки, Страстная площадь* и т. д.), рынков (*Смоленского, Сухаревского, Таганского*), перечисляя которые Б. Пильняк нередко упоминает нынешнее и прежнее их название, таким образом совмещая две пространственные проекции: историческое и современное автору пространства конца 1920-х годов. Эти номинации полифункциональны: кроме структурирования московского пространства, они проецируются на отдельные события из жизни профессора, создавая пространственно-временную перспективу (в частности, объективируя мотив «повторности явлений»), как, например, церковь Старого Пимена, образ которой двадцатипятилетней давности хранится в памяти профессора, когда молодой инженер Полетика, полный сил и надежд на будущее, венчался здесь со своей женой, и в современном состоянии, похожая «*на склад вещей, уцелевших от пожара*» [Пильняк, 1990, с. 396], где проходит аукцион при московских ломбардах. Как претерпел кардинальные изменения вид знакомых в прошлом мест (*Иконы исчезли со стен, замазанных насроко из-*

*весткой ... плиты пола заросли ошметками грязи ... [Там же]), так изменилась и жизнь главного героя, названного в честь Святого Пимена: ... у того самого Пимена, которых было несколько, как установил профессор Полетика, — святых православной церкви, из коих первый был палестинским преподобным и подвизался в пустыне Руве при Маврикии, — второй был египетским аввою и постоянно плакал о грехах своих и других людей, — третий и четвертый были киево-печорскими иноками [Там же, с. 592]. Эти номинации строят вертикальную пространственную ось (храм Старого Пимена — Святой Пимен), связанную с образом профессора Полетики. Применительно к его профессиональной деятельности инженера-гидравлика, борющегося с засухой и исследующего движение рек, пространство максимально расширяется за счет таких топонимических номинаций, как *Арало-Каспийские степи, пустыни Аравии, красные пески Египта* и т. д. Тенденция к расширению присутствует и в других текстовых фрагментах: *И за пустынями стала Россия, СССР, строительство ... [Там же, с. 404].**

Заданный с первых страниц романа принцип совмещения двух пространственно-временных плоскостей (прошлого и настоящего, горизонтального и вертикального (Вечности)), воспринимаемых сквозь призму мыслительного дискурса автора и героев (*Мысли вернулись к отошедшему, закопались в десятилетия, засоренные временем [Там же, с. 398]),* определяет специфику структурирования пространственного континуума во всем тексте.

Пространство со-временности, которая «мифологизируется, становясь категорией вне-временности» [Анпилова, 2008, с. 28], в романе представлено топонимами, связанными с основным сюжетом произведения — строительством монолита, репрезентацией Коломны, под которой это строительство и разворачивается, и Москвы, откуда этим строительством руководят. С их описанием входит в повествование тема города, понимаемого автором как средоточие главных противоречий жизни, принадлежащая к числу доминантных в творчестве писателей начала XX века. Являясь одной из универсалий русской литературы, она сосредоточила в себе полифонию исторической, философской и социальной проблематики. В первую очередь, это утверждение связано с произведениями писателей Серебряного века, в которых мифологема города получила статус доминантной в связи с осмыслением «метакодов» культуры.

Вместе с тем для романа характерно создание широкого панорамного пространственного фона, который также репрезентируется топонимическими номинациями и связан с сюжетной линией строительства монолита: *Морские корабли мимо Коломны шли до Каширы, несли сырье и полуфабрикаты, металлы, руды, лес и минеральное топливо — с Донбасса, из Марселя, с Каспия, с Урала, с Ветлуги — мимо Владимира и Шелкова [Пильняк,*

1990, с. 497]. Подобный принцип изображения пространства, когда топосы будто собираются воедино, насильственно объединяемые авторской волей, с одной стороны, значительно расширяет пространственные рамки романного повествования, связывая небольшой провинциальный городок Коломна со всей безграничной Россией, а с другой — передает величие и глобальность реализуемого под Коломной строительства, призванного изменить не только географию всей страны, но и жизнь её граждан. Кстати, монолит выступает в романе одним из важных локусов (второй — Маринкина башня), который «сплачивает, укореняет в едином центре» [Топоров, 2005, с. 5] пространство произведения, объединяет горизонтальную и вертикальную пространственные оси.

Кроме того, каждый герой романа вписан в пространственный континуум, топосы которого проецируются на его судьбу и место в сюжете произведения. Например, Эдгар Иванович Ласло, обрусевший венгр, *«сливший в себе кровь волжских и придунайских степей, по которым прошли крови очень многих народов — алланов, гуннов, готов, унгров ...»* [Пильняк, 1990, с. 509—510]. Происхождение инженера (пространство прошлого), в описании которого превалируют разнообразные пространственные лексемы, проецируется на его современную жизнь.

Именно применительно к этому герою наиболее полно раскрывается ментальное пространство: *Было две жизни: во мраке шторок и вторая, которая бегала мышами мыслей ... Моментальной ловкостью мысль забегала в память ... и возвращалась к сознанию ... Из бессознания — сотни сразу — побежало — не ощущений, но мыслей и видений, — все подсознание, весь мозг* [Там же, с. 568]. С ним также связано развитие мотива «за пространства»: *стоял того состояния человек, глаза которого умеют смотреть в пространства, чтобы не видеть пространств, но видеть то, что за пространствами* [Там же, с. 507], под которым, на наш взгляд, следует понимать ирреальность, названную А. Белым в романе «Петербург» «мозговой игрой».

3.2. Коломна как топос: принципы и приемы структурирования городского пространства

За многочисленными названиями городов в произведениях Б. Пильняка: *Росчиславль, Ордынин город, Колымень-город* и др., — как неоднократно отмечали исследователи, встает окутанная легендами Коломна, объективирующая ту российскую действительность, которую создает писатель в своих произведениях.

В романе «Волга впадает в Каспийское море» топоним *Коломна* по частотности употребления является основным средством репрезентации пространства. Предложно-падежные формы этой лексемы включают в свой состав предлоги *под, около, в* (самый частотный): *Под Коломной,*

ниже слияния рек Оки и Москвы, строился монолит, подпиравший и отбрасывающий назад окские и москворецкие воды [Там же, с. 393]; **В** обывательской **Коломне** двадцать семь церквей [Там же, с. 419], номинируя статичное пространственное положение города. Употребление с лексемой **Коломна** предлогов *от, из, мимо* реализует сему направленного движения в сторону от Коломны: *Строительство имело целью создать реку, путь течения которой проходил бы от Коломны к Москве вспять по прежнему руслу Москвы-реки* [Там же, с. 393]; *Морские корабли мимо Коломны шли до Каширы* [Там же, с. 497]. Предлоги *в, на* передают движение в сторону города: *Профессор Полетика, инициатор строительства, ехал в Коломну* [Там же, с. 393]; *Леса наступали на Коломну* [Там же, с. 446]. Словоформы с предлогом *по* обозначают движение по самому городу: *Заведующий музеем старины ходил по Коломне в цилиндре, в размахайке...* [Там же, с. 419].

Таким образом, автор активно формирует горизонтальное пространство города и его окрестностей, которое и является доминирующим в романе. В свою очередь, вертикальное пространство намечено гораздо схематичнее, в частности, единичными употреблениями лексемы **Коломна** с предлогом *над*: *Над Коломной умирали колокола* [Там же, с. 419], что, в общем, глубоко символично, так как город должен уйти под воду (не только в результате строительства плотины, но и за свои грехи). В этой связи авторское переосмысление легенды о Невидимом граде Китеже, являющейся одной из мифологем литературного процесса Серебряного века, мимо которой не прошел и Б. Пильняк, «приземлив» её к описанию провинциального города, осуществляется в плоскости эсхатологических мотивов.

Важная роль в создании горизонтального пространства принадлежит глаголам со значением движения (*ходить, идти, ехать*), которые связывают объекты коломенской инфраструктуры в единое городское пространство, структурируемое номинациями:

— пригородных местностей (*Запруды, Городищи, Щурово*) и близлежащих деревень (*Парфентьево, Хорошово, Бобренево* и др.): *... ходила ... на реку Коломенку купаться, далеко за город к Старым Городищам, где на церкви хранится Мамаево татарское клеймо и которые названы Городищами, потому что действительно лет триста назад здесь были коломенское городище и было* [Там же, с. 471]; *Вода заливала луга, где лежали села Бобренево, Чанки, Парфентьево, Хорошево, Акатьево, отодвинувшиеся от новой реки* [Там же, с. 604];

— монастырей: *В обывательской Коломне двадцать семь церквей* [Там же, с. 419];

— площадей: *На соборной площади в полуподвале бывшего собственного дома жила семья помещиков Тучковых* [Там же, с. 427];

- мостов: *Встретимся у голутвинского плашкотного моста* [Там же, с. 444];
- скверов (Сквер Блюдечко — древнее поселение на территории Коломенского кремля, с которого, как предполагается, началось развитие современной Коломны): ... *ночью на бульварчике, называемом Блюдечком* [Там же, с. 418];
- улиц: *На углу Репинской улицы они встретили гроб Садычихи* [Там же, с. 434]; *Гостиница на Астраханской улице* *здоровствовала широкоплым николаевским умиранием* [Там же, с. 476];
- вокзалов: ... *на голутвинском вокзале* [Там же, с. 412];
- рек (Оки, Москвы-реки, Коломенки): ... *он ходил на Коломенку к башне Марии Мнишек* [Там же, с. 480]; *Под Коломною, ниже слияния рек Оки и Москвы, строился монолит* [Там же, с. 393];
- предприятий: *Щуровский цементный завод работал на строительство* [Там же, с. 511]; *На Коломенском машиностроительном новые дизельные цеха* [Там же, с. 537].

Особенностью пространственного изображения в романе является обилие топонимов, которые, как нам думается, призваны вызвать в сознании читателей аналогии с конкретными локусами коломенского пространства. Перечисленные номинации репрезентируют городское пространство, визуализируя его архитектурный вид, придавая ему наряду с типическими чертами (в каждом городе есть площади, улицы, предприятия и т. д.) индивидуальность (названия пространственных объектов имеют свою историю, тесно связанную с прошлым Коломны). Как справедливо отмечает И. Трофимов, «он [Б. Пильняк] располагает несомненным знанием некоего “коломенского” уголка русской земли» [Трофимов, 1998, с. 6]. Кроме того, эти топонимические номинации связаны с жизнью и деятельностью героев романа Б. Пильняка.

Пространство, структурируемое писателем, обладает такими характеристиками, как сужающееся — расширяющееся, открытое — закрытое, горизонтальное — вертикальное, причем они могут резко поменяться в пределах одного контекста, что лишний раз подтверждает «калейдоскопичность» [Трофимов, 1998, с. 5] художественного стиля Б. Пильняка.

3.3. Прием совмещения пространственных плоскостей в создании образа города

Пространство Коломны структурируется благодаря совмещению современной, характеризующей российскую социалистическую действительность, и исторической плоскостей, что характерно и для изображения других топосов: ... *та самая Москва-река, на которой возникло Московское государство, русская история собирания уделов Руси, царей, смут, императоров* [Там же, с. 497].

Историческое пространство входит в романное повествование:

— в связи с историей возникновения и развития искусства красного дерева (эта сюжетная линия перекликается с повестью «Красное дерево», что в целом свойственно стилевой манере Пильняка, переносящего текстовые фрагменты из одного произведения в другое): *Искусство красной мебели, начатое в России Петром, имело свои памяти* [Там же, с. 421], на него *«легли эпохи»*. Этот мотив, в свою очередь, объединяет мировую и отечественную историю: *Крепостные подростки посылались в Москву и в Санкт-Петербург, в Париж, в Вену — там они обучались мастерству ... Елизавета, Екатерина — рококо, барокко, бронза, завитушки ... Павел — строг, Павел — мальтиец..., Александр — ампир, классика, эллада* [Там же, с. 421];

— в связи с темой истории человечества, сопричастной грандиозному строительству: *Из памяти человечества исчезли цветущие страны — Ассирия, Вавилон, Месопотамия* [Там же, с. 562];

— в связи с фактами русской истории, отраженной в номинациях памятников архитектуры и культуры, являющихся свидетелями важных в истории России событий. В первую очередь это связано с такими локусами, как Кремль и Маринкина башня (применительно к Коломне), которые по частоте употребления занимают особое место среди объектов городского пространства. Они связывают провинциальную бабу Коломну со всей Россией, обозначая в ней как типические, так и индивидуальные черты. Благодаря им становится возможным наложение двух пространственных плоскостей: современной писателю России и ушедшей в прошлое исторической державы. Более того, здесь прошлое (сопричастное Вечности) и настоящее (сиюминутное, преходящее) вступают в неразрешимое противоречие, обнаруживая совмещение еще двух пространственных плоскостей (современности и Вечности), порождающее некую иллюзорность происходящего в русле временной перспективы: *Если на кремль взглянуть от Маринкиной башни, азиатский коломенский кремль чудесно вдруг превращается в средневековую европейскую готику* [Там же, с. 528].

Кремль входит в романное повествование номинацией отдельных локусов (Пятницкие ворота, дома, развалины): *Пятницкие ворота вели в Кремль, — те самые ворота, из которых Дмитрий Донской пошел на Куликово поле* [Там же, с. 422]. С описанием Кремля связан мотив смерти (... *умирали развалины Кремля* [Там же, с. 476]), последовательно реализующийся в романе применительно к образу города (... *с лет Николая умирала Коломна* [Там же, с. 476]), что вполне объяснимо, ведь Кремль как оборонное сооружение, защищавшее Коломну от неприятеля, давно умер, теперь его развалины — лишь исторический памятник. Причем в этом

контексте звучат и эсхатологические мотивы: *Кремль и Москва-река провалились в запространства* [Там же, с. 533]. Особенно значим в рамках развития этого мотива образ музейоведа, по роду своих занятий долженствующего хранить историю: *на бывшей Дворянской улице в Кремле пил по ночам со Христом водку музейевед Грибоедов* [Там же, с. 476]. Будучи заведующим музеем старины, в своем доме он хранит *«одеяния — тринадцатого, пятнадцатого, семнадцатого веков и ... деревянного голого в терновом венце Христа, взятого из бобреновского монастыря, работы семнадцатого века»* [Там же, с. 4206]. Подобные контексты репрезентируют взаимосвязь исторического пространства и пространства Вечности, преломившихся в современной Коломне.

Важную семантическую нагрузку в структуризации романного пространства несет Маринкина башня, соединяющая вертикальную и горизонтальную проекции, что «придает особую весомость данному локусу» [Профатилю, 2006, с. 8]. Кроме него, пространство Вечности структурируется преданиями и легендами, включенными автором в повествование, в частности легендой о Марине Мнишек, имеющей сквозной характер и присутствующей в ряде произведений писателя: *Я записала преданья об этой башне, о её судьбе. Вы знаете легенду о том, что душа Марины Мнишек летает вороною над Россией?* [Пильняк, 1990, с. 531].

Особое внимание акцентируем на структурирующем городское пространство локусе дома. Крупным планом автор описывает несколько домов, каждый из которых несет свою семантическую нагрузку и связан с выделенными нами типами пространства: дом Якова Карповича Скудрина в Запрудах, *«провалившийся в 18 век»*, дом вдовы Мышкиной на пересечении Посадской и Гончарной улиц, построенный *«до времен и во времена Петра»* [Там же, с. 425], дом бывшего барина Каразина, подвал собственного дома, где живет семья помещиков Тучковых.

Важная роль в создании пространства города принадлежит атрибутивной лексеме *коломенский*, в первую очередь номинирующей саму описываемую местность: *... за окнами, избяная деревенская матушка-Русь... — броницкие, коломенские земли* [Там же, с. 407].

По принадлежности к Коломне объективируются локусы городского пространства (исполком, завод, Кремль и т. д.): *... мужчины ходили обивать железо на коломенском машиностроительном заводе* [Там же, с. 410]; *... завтра приезжает в коломенский театр московская труппа* [Там же, с. 543]; *... в земле коломенского кладбища* [Там же, с. 499]), люди (*О коломенском нашем Данилушке* [Там же, с. 440]; *... потомственных коломенских мещанок* [Там же, с. 603]), временные отрезки (*Полтораки не спал в этой коломенской ночи* [Там же, с. 460]); и понятия, принадлежа-

щие к духовно-нравственной сфере, составляющие свод моральных законов существования человеческого общества (честь, достоинство, мораль, позор): *Её целомудрие библейской смаковницы и всеколомненские честь и честность оказались ни к чему* [Там же, с. 418].

Остановимся еще на одном аспекте раскрытия городского пространства в романе «Волга впадает в Каспийское море», связанном с семантически значимым и сквозным для многих произведений писателя мотивом — провинции.

Лексема *Коломна* номинирует в романе место нахождения города, который Б. Пильняк называет *обывательским, городом глубокого тыла, азиатской бабой-Коломной*, а в целом — *Бабой-провинцией*. Именно так, с заглавной буквы, тем самым одушевляя город, придавая ему черты живого существа. В провинции писатель пытается прозреть универсальную модель бытия: *Расея, Русь, Коломна: провинция. Кирпичный, страшный, развалившийся забор на той стороне улицы упирается в охранный с бельведером дом на одном углу, а на другом — церковь, дальше площадь, опять церковь, ветлы, летнее небо, мостовые* [Там же, с. 416]. Провинциальная, обывательская Коломна, с одной стороны, индивидуализируется: *В обывательской Коломне двадцать семь церквей, болота, деревни, четыре монастыря... седые камни Кремлей: в Маринкиной башне в Коломне умерла Марина Мнишек* [Там же, с. 419]. С другой — автором подчеркиваются типичные черты провинции, приравнивающие её к другим русским городам, вписывающие в пространство России: *... Коломна обывателей пребывала городом глубокого тыла, податей, наборов и разверсток ... Город обывателей жил в профессиональных книжках, и в очередях, и в лавках не было товаров, отданных фронтам* [Там же, с. 419].

Описание Коломны не ограничивается бытовой или исторической стороной действительности, оно мифологизируется. Как справедливо отметил И. Трофимов, «тема провинции из социально-бытовой естественно перерастала в онтологическую» [Трофимов, 1998, с. 6]. По мнению ученого, провинция — это «разряженное пространство, устремленное в бесконечность» [Там же, с. 20].

4. Заключение = Conclusions

Проведенный анализ способов лексической репрезентации пространственного континуума в романе Б. Пильняка «Волга впадает в Каспийское море» позволяет сформулировать следующие выводы:

— авторская цитата из текста произведения «путаница пространств» [Пильняк, 1990, с. 422] как нельзя более точно характеризует пространственную модель романа, где один тип пространства словно перетекает в другой;

— калейдоскопичность, свойственная авторскому стилю в целом, наблюдается и в принципах структурирования пространства;

— пространство романа многослойно, а создающие его локусы полифункциональны;

— созданная в произведении пространственная модель имеет две плоскости: горизонтальную, центром которой является монолит, строящийся под Коломной, и все остальные локусы оказываются так или иначе сопричастны этому строительству, и вертикальное, центром которого является башня Марины Мнишек;

— в романе органично взаимодействуют, соприкасаясь и перетекая друг в друга, современное, историческое, Вечное и ментальное пространство;

— пространство романа динамично, сема движения задана уже в заглавии произведения и последовательно реализуется в характеристике основных топосов;

— важная роль в пространственном континууме романа принадлежит структурированию городского пространства, объективация которого связана с мотивной парадигмой произведения, интерпретацией прецедентных текстов (легенды о граде Китеже и Марине Мнишек);

— каждый герой романа вписан в свое пространство, центром которого он и является, объективируемое его происхождением (Ласло), родом профессиональной деятельности (Любовь Пименовна Полетика), системой жизненных ценностей и воспоминаниями (Иван Ожогов), историей жизни (профессор Полетика) и т. д.

Исследование пространственной модели авторской языковой картины мира в романе «Волга впадает в Каспийское море» было осуществлено с позиций взаимодействия основных пространственных типов, принципов их структурирования и характеристики центральных топосов. Анализ способов объективации пространства позволил выявить типичные и индивидуальные черты авторского миромоделирования.

Источники

1. Пильняк Б. Романы / Б. Пильняк. — Москва : Современники, 1990. — 606 с.

Литература

1. Анпилова Л. Н. Проза Бориса Пильняка 1920-х годов. Опыт русского экспрессионизма : монографический очерк / Л. Н. Анпилова. — Екатеринбург : Словесник, Уральский государственный педагогический университет, 2008. — 164 с. — ISBN 9785904205010.
2. Ауэр А. П. Перед лицом Вечности : Статьи о художественном мире Б. Пильняка / А. П. Ауэр. — Коломна : КГПИ, 2009. — 211 с. — ISBN 978-5-98492-087-2.

3. *Бабенко Л. Г.* Лингвистический анализ художественного текста / Л. Г. Бабенко. — Москва : Флинта : Наука, 2009. — 495 с. — ISBN 5-89349-337-0.
4. *Болдырев Н. Н.* Антропоцентризм пространства и времени как форм языкового сознания / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. — 2018. — Выпуск 32. — С. 26—35. — DOI: 10.20916/2071-9639-2016-25-25-32.
5. *Болдырев Н. Н.* Язык и система знаний. Когнитивная теория языка / Н. Н. Болдырев. — Москва : Изд. дом ЯСК, 2019. — 480 с. — ISBN 978-5-6040760-9-5.
6. *Грякалова Н. Ю.* Диалог Марии Шкапской и Бориса Пильняка начала 1920-ых гг. / Н. Ю. Грякалова // Русская литература. — 2004. — № 4. — С. 40—53.
7. *Денисов А. Е.* Борис Пильняк в Коломенском крае / А. Е. Денисов. — Коломна : Тираж 2007. — 44 с. — ISBN 978-5-906800-16-9.
8. *Дискаччиати О.* Возвращение в судьбу как повторяющийся мотив в творчестве Бунина и Пильняка [Электронный ресурс] / О. Дискаччиати // Новые российские гуманитарные исследования. — 2020. — № 15. — Режим доступа : <http://nrgumis.ru/articles/2084/> (дата обращения: 10.09.2022).
9. *Дубова М. А.* Пространственные параметры модели мира в рассказе В. Я. Брюсова «Бемоль» / М. А. Дубова, Н. А. Ларина // Мир науки, культуры, образования. — 2019. — № 1 (74). — С. 425—426. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-185-195.
10. *Костякова Л. Н.* Язык Бориса Пильняка : средства художественной выразительности / Л. Н. Костякова. — Коломна : Коломенский государственный педагогический институт, 2006. — 258 с.
11. *Крючков В. П.* Проза Б. А. Пильняка 1920-ых годов : мотивы в функциональном и интертекстуальном аспектах : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.01.01 / В. П. Крючков. — Саратов, 2006. — 51 с.
12. *Метликина Л. С.* Окаzionaliальные сравнения в произведениях Б. А. Пильняка / Л. С. Метликина // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2 : Филология и искусствоведение. — 2009. — № 2. — С. 159—163.
13. *Орлицкий Ю. Б.* Стихотворный элемент в прозе Б. Пильняка / Ю. Б. Орлицкий // Б. А. Пильняк : исследования и материалы. Сборник научных трудов. — Коломна : Московский государственный областной социально-гуманитарный институт, 2011. — С. 22—32. — ISBN 978-5-98492-095-7.
14. *Провоторова Е. Ю.* Безличные предложения в текстах «орнаментальной» прозы : структура, семантика, функционирование : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Е. Ю. Провоторова. — Волгоград, 2010. — 21 с.
15. *Профатило И. И.* Художественный мир прозы Б. А. Пильняка : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / И. И. Профатило. — Москва, 2006. — 184 с.
16. *Саркисян О. Б.* Концептуальное содержание леммы «жизнь» в авторской языковой картине мира (на материале повести И. А. Бунина «Деревня») / О. Б. Саркисян, М. А. Дубова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2021. — № 3 (156). — С. 110—114.
17. *Святославский А. В.* М. М. Пришвин и Б. А. Пильняк : к истории творческих взаимоотношений / А. В. Святославский // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. — 2020. — № 6—1. — С. 118—127. — DOI: 10.20339/PhS.6-20.118.
18. *Соколова Ю. В.* Лексико-семантические особенности образных рядов в русской орнаментальной прозе первой трети XX века / Ю. В. Соколова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2014. — № 10—3 (40). — С. 174—176.

19. Топоров В. Н. Пространство и текст / В. Н. Топоров // Исследования по этимологии и семантике. Теория и некоторые частные её приложения. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — 816 с. — ISBN 5-94457-186-1.

20. Трофимов И. Провинция Б. Пильняка / И. Трофимов. — Daugavpils : DPU izdevniecība «Saul», 1998. — 132 p.

21. Хоронов С. В. Экзотизм как способ создания художественной условности в творчестве Б. А. Пильняка / С. В. Хоронов // Известия Смоленского государственного университета. — 2015. — № 2 (30). — С. 60—69.

22. Шайтанов И. О. Когда ломается течение (исторические метафоры Бориса Пильняка) / И. О. Шайтанов // Вопросы литературы. — 1990. — № 7. — С. 35—72.

23. Яковлев А. А. Языковая картина мира как лингвистическое понятие : обзор российских публикаций последних лет / А. А. Яковлев // Вестник НГУ. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2017. — № 2. — С. 5—20.

24. Camisa M. E. Andrei Platonov and Boris Pil'niak : the pursuit of the happy man / M. E. Camisa // Philological Class. — 2021. — Т. 26. — № 1. — Pp. 107—117. — DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-08.

Статья поступила в редакцию 06.02.2023;
одобрена после рецензирования 23.02.2023;
подготовлена к публикации 15.03.2023.

Material resources

Pilnyak, B. (1990). *Novels*. Moscow: Sovremenniki. 606 p. (In Russ.).

References

Anpilova, L. N. (2008). *Boris Pilnyak's prose of the 1920s. The Experience of Russian Expressionism: a monographic essay*. Yekaterinburg: Slovesnik, Ural State Pedagogical University. 164 p. ISBN 9785904205010. (In Russ.).

Auer, A. P. (2009). *In the face of Eternity: Articles about the artistic world of B. Pilnyak*. Kolomna: KSPI. 211 p. ISBN 978-5-98492-087-2. (In Russ.).

Babenko, L. G. (2009). *Linguistic analysis of a literary text*. Moscow: Flint: Nauka. 495 p. ISBN 5-89349-337-0. (In Russ.).

Boldyrev, N. N. (2018). Anthropocentrism of space and time as forms of linguistic consciousness. *Cognitive studies of language*, 32: 26—35. DOI: 10.20916/2071-9639-2016-25-25-32. (In Russ.).

Boldyrev, N. N. (2019). *Language and knowledge system. Cognitive theory of language*. Moscow: Publishing house of YASK. 480 p. ISBN 978-5-6040760-9-5. (In Russ.).

Camisa, M. E. (2021). Andrei Platonov and Boris Pil'niak: the pursuit of the happy man. *Philological Class*, 26 (1): 107—117. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-08.

Denisov, A. E. (2007). *Boris Pilnyak in the Kolomna Region*. Kolomna: Circulation. 44 p. ISBN 978-5-906800-16-9. (In Russ.).

Discacciati, O. (2020). Return to the estate as a recurring motif in the works of Bunin and Pilnyak. *New Russian Humanitarian Studies*, 15. Available at: <http://nrgumis.ru/articles/2084/> (access mode 10.12.2022). (In Russ.).

Dubova, M. A., Larina, N. A. Spatial parameters of the world model in the story of V. Y. Bryusov "Flat". *The world of science, culture, education*, 1 (74): 425—426. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-185-195. (In Russ.).

- Gryakalova, N. Y. (2004). Dialogue of Maria Shkapskaya and Boris Pilnyak of the early 1920s. *Russian Literature*, 4: 40—53. (In Russ.).
- Khoronov, S. V. (2015). Exoticism as a way of creating artistic conventions in the work of B. A. Pilnyak. *Bulletin of the Smolensk State University*, 2 (30): 60—69. (In Russ.).
- Kostyakova, L. N. (2006). *Boris Pilnyak's language: means of artistic expression*. Kolomna: Kolomna State Pedagogical Institute. 258 p. (In Russ.).
- Kryuchkov, V. P. (2006). *The prose of B. A. Pilnyak of the 1920s: motives in functional and intertextual aspects*. Author's abstract of Doct. Diss. Saratov. 51 p. (In Russ.).
- Metlikina, L. S. (2009). Occasional comparisons in the works of B. A. Pilnyak. *Bulletin of the Adygea State University. Series 2: Philology and Art History*, 2: 159—163. (In Russ.).
- Orlitsky, Yu. B. (2011). The poetic element in the prose of B. Pilnyak. In: *B. A. Pilnyak: research and materials. Collection of scientific papers*. Kolomna: Moscow State Regional Socio-Humanitarian Institute. 22—32. ISBN 978-5-98492-095-7. (In Russ.).
- Profatilo, I. I. (2006). *The artistic world of B. A. Pilnyak's prose*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 184 p. (In Russ.).
- Provotorova, E. Y. (2010). *Impersonal sentences in the texts of "ornamental" prose: structure, semantics, functionalization*. Author's abstract of PhD Diss. Volgograd. 21 p. (In Russ.).
- Sarkisyan, O. B., Dubova, M. A. (2021). The conceptual content of the lexeme "life" in the author's linguistic picture of the world (based on the story of I. A. Bunin "Village"). *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University*, 3 (156): 110—114. (In Russ.).
- Shaitanov, I. O. (1990). When the current breaks (historical metaphors of Boris Pilnyak). *Questions of literature*, 7: 35—72. (In Russ.).
- Sokolova, Yu. V. (2014). Lexico-semantic features of figurative rows in Russian ornamental prose of the first third of the twentieth century. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 10—3 (40): 174—176. (In Russ.).
- Svyatoslavsky, A. V. (2020). M. M. Prishvin and B. A. Pilnyak: towards the history of creative relationships. *Philological Sciences. Scientific reports of the higher school*, 6—1: 118—127. DOI: 10.20339/PhS.6-20.118. (In Russ.).
- Toporov, V. N. (2005). Space and text. In: *Research on etymology and semantics. Theory and some of its particular applications*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 816 p. ISBN 5-94457-186-1. (In Russ.).
- Trofimov, I. (1998). *Province of B. Pilnyak*. Daugavpils: DPU izdevnieciba «Saul». 132 lpp. (In Russ.).
- Yakovlev, A. A. (2017). The linguistic picture of the world as a linguistic concept: a review of Russian publications of recent years. *Bulletin of the NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2: 5—20. (In Russ.).

*The article was submitted 06.02.2023;
approved after reviewing 23.02.2023;
accepted for publication 15.03.2023.*